

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

**ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ОБЩЕСТВО: СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ***

©2020 г. Т.А. Нестик*

*Доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп. 1;
e-mail: nestik@gmail.com

Поступила в редакцию 2 июня 2020 г.

Аннотация. В статье анализируются возможные социально-психологические последствия пандемии COVID-19. На основе собственных эмпирических исследований, а также обзора научной литературы, связанной с психологическими последствиями пандемии и другими природными рисками, рассматриваются их психологические эффекты и экономические последствия на нескольких уровнях социально-психологического анализа: внутриличностном, межличностном, групповом, межгрупповом и макропсихологическом, то есть в масштабах всего общества. Анализируется влияние тревоги, страха смерти, воспринимаемая неконтролируемость угрозы на соблюдение групповых норм, а также ценностные ориентации и подверженность влиянию конспирологических теорий. Рассматривается воздействие вынужденной изоляции, а также страха заражения и физического дистанцирования на близкие отношения, доверие к людям, межличностную мобильность, принятие групповых решений в малых группах и поляризацию в сетевых сообществах. Анализируются причины стигматизации и роста межгрупповой напряженности в условиях пандемии. Среди ее долгосрочных эффектов отмечается снижение институционального доверия, рост социального пессимизма и вероятность сдвига общества к консервативным ценностям и поддержке авторитарных политиков. С опорой на результаты исследований предлагается ряд рекомендаций по повышению жизнеспособности российского общества в условиях пандемии, в том числе по снижению подверженности дезинформации и веры в теории заговора, предотвращению стигматизации и поддержке соблюдения санитарно-эпидемиологических требований. Подчеркивается, что в условиях перезапуска экономики подкрепление веры людей в собственные силы и поддержка сопереживания другим могут быть более эффективными средствами побуждения к соблюдению правил предосторожности, чем нагнетание страха. Делается вывод о необходимости перехода в коммуникациях по поводу пандемии от алармизма к позитивным целям и предоставлению информации, позволяющей гражданам строить планы на будущее.

* Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 18-18-00439 «Психология человека в условиях глобальных рисков».

Ключевые слова: COVID-19, социально-психологические последствия, личность, межличностные отношения, внутригрупповые процессы, межгрупповые отношения, макропсихология, политические установки, доверие, отношение к глобальным рискам.

DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002

Вспышка эпидемии COVID-19, начавшаяся в КНР в начале декабря 2019 г., быстро получила освещение в мировых СМИ и стала рассматриваться как глобальная угроза. С учетом быстрого распространения заболевания Всемирная организация здравоохранения вынуждена была признать эпидемиологическую обстановку пандемией, институционально закрепив таким образом уже сформированное в экспертном сообществе отношение к данной угрозе как к одному из экзистенциальных глобальных рисков. К апрелю 2020 г. более 2,6 миллиардов жителей земли оказались в условиях вынужденного социального дистанцирования и самоизоляции (Van Hoof, 2020).

Несмотря на опыт борьбы с другими эпидемиями, накопленный за последние 20 лет, социальные институты большинства стран оказались плохо подготовленными к данной угрозе. До тех пор, пока основной задачей правительств является сдерживание распространения патогена, публичные дискуссии сосредоточены на непосредственных последствиях карантинных мер для экономики и психологического состояния людей, находящихся на карантине. Тем не менее, уже сегодня очевидно, что пандемия будет иметь не только краткосрочные, но и долгосрочные последствия для человека и общества.

Цель данной статьи – проанализировать возможные *социально-психологические механизмы* влияния пандемии и связанного с ней экономического кризиса на российское общество. Последствия пандемии рассмотрены на нескольких уровнях социально-психологического анализа: внутриличностном, межличностном, групповом, межгрупповом и макропсихологическом, то есть в масштабах всего общества.

Социально-психологические последствия пандемии

На уровне *личности* одним из наиболее серьезных последствий пандемии является переживание стресса во время вынужденной самоизоляции или карантина, а позднее – возможное развитие посттравматического стрессового расстройства. Исследования, проведенные среди людей, находившихся на карантине в связи с эпидемиями MERS, SARS, H1N1 и Эболы, показывают, что до 30% из них проявляли симптомы ПТСР, причем у 10% они наблюдались даже через 3 года после травмирующих событий (Brooks et al., 2020). Обследования, проведенные среди жителей Китая, показывают, что закрытие городов для сдерживания COVID-19 вызвало симптомы посттравматического стресса, депрессию и тревожные расстройства (Wang et al., 2020; Zhang et al., 2020). Психологические работы показывают также рост суицидальных мыслей в период пандемии. Так, среди американских респондентов, рекрутированных через краудсорсинговую платформу mTurk, 45% отметили наличие мыслей о суициде в связи с пандемией, а 9% целенаправленно пытались заразиться COVID-19 (Ammerman et al., 2020).

Роль страха в поддержании карантина и социального дистанцирования носит амбивалентный характер. С одной стороны, ряд исследований показывает, что тревога по поводу пандемии, а также тревожность как личностная черта, прямо связаны с соблюдением правил предосторожности (Zettler et al., 2020). Предварительные данные показывают, что в условиях пандемии страх заражения сильнее влияет на соблюдение мер предосторожности, чем политические убеждения (Harper et al., 2020). С другой стороны, длительное переживание тревоги и страха по поводу COVID-19 в условиях неопределенности будущего приводят к истощению психологических ресурсов личности, вызывают деструктивные стратегии совладания, могут вести к тяжелым формам тревожных и депрессивных расстройств (Ahorsu et al., 2020). Кроме того, тревога в условиях самоизоляции приводит к росту

категорического и личностно-суеверного мышления, что повышает подверженность личности манипуляциям и вере в конспирологические теории (Бойко и др., 2020).

Переживание тревоги и страха по поводу возможности заражения COVID-19 усиливается не только условиями вынужденной самоизоляции, но и осознанием глобальных масштабов происходящего, что провоцирует катастрофизацию образа коллективного будущего. Проведенные нами ранее эмпирические исследования показывают, что отношение личности к глобальным угрозам определяется образом мира и представлениями об обществе (Нестик, Журавлев, 2018). Мы выделили три группы убеждений, выполняющих разные психологические функции при совладании с информацией о глобальных угрозах.

Первая из них выполняет защитную функцию в условиях дефицита социальных ресурсов: убежденность в несправедливости общества, недоверие к социальным институтам, а также вера в предопределенность судьбы блокируют участие в коллективных действиях для предотвращения рисков, усиливают апокалиптизм и повышают поддержку радикальных и насильственных мер для предотвращения катастрофы.

Вторая группа убеждений выполняет стабилизирующую функцию, способствует совладанию с тревогой перед глобальными угрозами через повышение приверженности групповым нормам: религиозности, ориентации на уважение к авторитетам, чистоте и святости в моральных оценках, усиливают убеждение в необходимости возвращения к традиционным ценностям и более жесткому контролю за гражданами для предотвращения катастрофы. Консервативные убеждения способствуют повышению управляемости и мобилизации общества перед лицом беды, но при этом сдвигают общественное сознание к «ограничительным» мерам, которых может оказаться недостаточно. Так, например, один лишь рестриктивный подход к предотвращению

техногенных рисков ослабляет социальное доверие и затрудняет публичный диалог, необходимый для выработки правил использования новых технологий.

Наконец, третья группа убеждений выполняет функцию преадаптации к угрозам будущего через повышение толерантности к неопределенности. Относящиеся к этой группе убеждения в способности человека определять свое настоящее и будущее, ориентация на справедливость и заботу о людях, вера в социальную сложность, в наличие множества различных решений в одной и той же ситуации, а также вера в справедливость мира поддерживают ориентацию на прогнозирование и предотвращение глобальных угроз через сотрудничество, помогают не поддаваться соблазну упрощенных, популистских и радикальных решений. Именно *опыт успешной кооперации, социальное доверие и ценность заботы о людях* необходимо поддерживать при информировании о глобальных рисках.

Начиная с 23 января, когда на карантин был закрыт китайский город Ухань, и до середины марта 2020 г. число сообщений в российских СМИ, которые были посвящены коронавирусу, увеличилось в 13 раз, а в зарубежных СМИ каждая третья публикация к этому времени была посвящена COVID-19 (Шкуренко, 2020). Тревожные сообщения в СМИ и социальных медиа усиливают негативные последствия эпидемий, расширяя число «вторичных жертв» (Тарабрина, 2009; Hong, Collins, 2006; McDonnell et al., 2012; Ng et al., 2018; Garfin et al., 2020), подобно тому, как это происходит при освещении массовых убийств в медиа (Thompson et al., 2019). Зарубежные исследования социальных сетей показывают, что пугающие новости, даже если они заведомо неправдоподобны, пересылаются в несколько раз быстрее и со значительно большим охватом, чем положительная и достоверная информация (Vosoughi et al., 2018). В результате СМИ и социальные медиа превращаются в «фабрику тревоги».

Регулярно обновляемая информация о числе заболевших и количестве летальных случаев на первых страницах газет и в Яндексe напоминает россиянам о смерти. Пугающее число смертельных исходов и сообщения о конкретных людях, умерших от коронавируса, могут вызвать психологические эффекты, описанные в теории управления ужасом Дж. Гринберга, Т. Пицинского и Ш. Соломона. При напоминании о конечности существования и событиях, потенциально опасных для жизни, у людей отмечается стремление поддержать положительную самооценку, подчеркнуть позитивную групповую идентичность, у них повышается конформность, стремление следовать групповым ценностям и нормам, актуализируются групповые стереотипы, а также отмечается склонность к импульсивному потреблению (Greenberg et al., 1986; Greenberg, 2008; Denying death..., 2016). Эти эффекты повышают подверженность личности манипуляциям, а также облегчают сдвиг ценностных ориентаций в сторону авторитаризма правого толка. В исследовании, проведенном нами в апреле 2020 г. (N=271), было обнаружено, что низкая оценка личностью способности своими действиями влиять на распространение пандемии COVID-19, тревога по поводу глобальных рисков, страх смерти, а также низкая ориентация на поиск социальной поддержки в сочетании с сильной гражданской идентичностью являются предикторами авторитаризма правого толка. В ряде работ, посвященных психологическим последствиям природных бедствий, было показано, что чувство беспомощности перед лицом природной катастрофы приводит к его усилению (Russo et al., 2020). По-видимому, этот эффект можно рассматривать как компенсаторный механизм, восстанавливающий чувство контроля и безопасности.

В *межличностных отношениях* последствиями пандемии может стать травмирующий опыт конфликтов с близкими во время карантина и рост уровня домашнего насилия. Исследования, посвященные психологическим последствиям природных катастроф, свидетельствуют о росте конфликтов в

семьях и числа случаев насилия над детьми (Stark, Ager, 2011; Schumacher et al., 2010). Как показывают статистические данные, собранные в Китае в первой четверти 2020 г., после карантина следует ожидать роста числа разводов (Yu, Liu, 2020; Moser et al., 2020). Ряд исследований показывает, что посттравматический синдром усиливается, если личность испытывает дефицит социальной поддержки от окружающих и низко оценивает сплоченность общества (Johns et al. 2012; Lê et al. 2013). Чувство одиночества усиливает симптомы психологического неблагополучия и тревогу по поводу финансовых проблем в период пандемии COVID-19 (Okruzsek et al., 2020).

Продолжительный опыт социального дистанцирования может привести к росту социальных фобий – страхов, связанных смежличностным общением. Как известно из опыта экономических кризисов, наиболее распространенной стратегией является ориентация на помощь родственников и друзей. В условиях низкого генерализованного доверия, по-видимому, можно ожидать усиления тесных, эмоциональных, доверительных связей с близкими и уже знакомыми людьми, и ослабления так называемых «слабых связей» (Granovetter, 1973). Исследование в 39 странах показало, что в обществах, исторически более подверженных эпидемиям, а также другим природным и антропогенным угрозам, отмечается меньшая проактивность в завязывании межличностных контактов, меньшая склонность к самораскрытию и генерализованному доверию (Thomson et al., 2018). Иными словами, в условиях пандемии и последующего экономического кризиса будет происходить обеднение разнообразия персональной социальной сети и сужение круга контактов. Это, в свою очередь, может затруднить социальные и технологические инновации, ослабить поиск новых решений и управление знаниями в организациях (Нестик, 2013).

Исследования показывают, что поведение в условиях неопределенности в значительной степени зависит от дескриптивных норм, то есть представления

людей о том, как ведут или будут вести себя большинство окружающих (Schultz et al., 2007). Такие представления играют важную роль в формировании отношения к глобальным рискам. Именно дескриптивные нормы оказались наиболее сильным предиктором готовности личности к изменению своего поведения для адаптации к изменению климата (Doherty, Webler, 2016; van Valkengoed, Steg, 2019). Как показал проведенный нами в апреле 2020 г. опрос среди российских интернет-пользователей (N=1666), 45% респондентов считают, что нельзя полагаться на то, что люди будут соблюдать правила предосторожности во время эпидемии; 42,3% сомневаются, что их соотечественники, заболевшие во время эпидемии, и их близкие станут соблюдать карантин; а 45,4% убеждены, что в случае эпидемии большинство людей не станут сообщать о том, что они заболели, чтобы не оказаться на карантине.

На уровне *группы и организации* негативные переживания, связанные с последствиями пандемии, запускают разнонаправленные групповые процессы. С одной стороны, они повышают сплоченность группы перед лицом общей опасности, с другой – затрудняют групповое принятие решений и коммуникации, сдвигая группу к чрезмерно консервативным или, напротив, рискованным стратегиям поведения.

Переживания пандемической угрозы усиливают групповую идентификацию, что в свою очередь может затруднять конструктивный поиск решений проблем, возникающих в связи с влиянием пандемии на экономику. Эксперименты показывают, что высокая значимость групповой идентичности провоцирует аффективное совладание с критической ситуацией: члены группы мобилизуются для коллективных действий через чувство группового гнева или тревоги, то есть актуализация групповой идентичности упрощает эмоционально-фокусированный копинг и ослабляет проблемно-фокусированный (Van Zomeren et al., 2008). Проблемно-фокусированный

копинг подразумевает продумывание шагов по целенаправленному изменению реальности, взвешивание альтернатив и выбор оптимального способа действий. Эмоционально-фокусированный копинг, напротив, затрудняет рефлекссию, оценку инструментальной полезности действий и облегчает подверженность упрощенным, популистским решениям при реагировании на ситуацию.

Известно, что переживаемый стресс повышает потребность членов группы в определенности, простых и окончательных решениях (так называемое «need for closure»). Возрастает стремление к единству мнений и предпочтений, групповое давление и конформность. Если члены группы уже выработали очень устойчивые предпочтения, то стресс приводит к их еще большему «замораживанию», и, тем самым, – к снижению готовности соглашаться с другими мнениями. В противном случае стресс побуждает группу к установлению единогласия за счет более сильного давления на меньшинство или за счет роста конформности меньшинства. Оба этих процесса приводят к сосредоточению власти в руках нескольких наиболее влиятельных членов группы, что проявляется в асимметрии процессов общения внутри нее (De Grada et al., 1999). Возрастает и влияние лидеров на установление правил коммуникации (Pietro et al., 2003). В целом стресс приводит к «зашориванию группового разума», то есть отторжению непопулярных в группе точек зрения, ориентации на авторитарное лидерство и сложившиеся групповые нормы (Kerr, Tindale, 2004).

Психологические исследования показывают, что в состоянии тревоги малые группы становятся более конформными в отношении авторитетных мнений, чаще упрощают ситуацию и реже учитывают альтернативные точки зрения (Rhee, 2007). В результате резко возрастает вероятность ошибки лидера. Растет приверженность ранее принятым решениям, тревога сковывает воображение и затрудняет поиск нестандартных путей выхода из ситуации. При этом снижается способность команды к оценке долгосрочных последствий

своих действий. Тревожные состояния выполняют мобилизующую функцию, обостряя внимание группы к ближайшему будущему. Тем не менее, они запускают защитные групповые механизмы, призванные сохранить позитивную идентичность: она смещается на совместное прошлое, тогда как будущее оценивается негативно. Наши предшествующие исследования показали, что нагнетание тревоги по поводу будущего препятствует формулированию отчетливых и долгосрочных целей совместной деятельности (Нестик, 2014).

В сетевых сообществах тревога повышает вероятность поляризации и вызывает формирование «эхокамер», провоцируют эффект самоподтверждения первоначально сформированного мнения, а также способствует формированию системы убеждений, затрудняющей критический анализ информации. Как показывают исследования в области дезинформации по поводу заболеваний, эти эффекты усиливают негативное отношение к вакцинации и приверженность конспирологическим теориям (Wang et al., 2019).

Ранее проведенный нами анализ позволяет выделить несколько ключевых составляющих жизнеспособности группы в условиях глобальных рисков: 1) жизнестойкие коллективные представления (в том числе уверенность группы в способности справиться с трудностями, долгосрочный позитивный образ будущего), сильная и позитивная групповая идентичность; 2) групповой социальный капитал (сети личных контактов, высокий уровень внутригруппового доверия, групповые нормы и ритуалы взаимной поддержки и совместного принятия решений); 3) групповая рефлексивность (ориентация на извлечение уроков из совместного опыта и обмен знаниями, готовность изменить подходы к организации совместной жизнедеятельности); 4) механизмы поддержания позитивных коллективных эмоций (Нестик, 2016). Для поддержки этих механизмов руководителям российских организаций необходимо не только фасилитировать регулярную рефлекссию действий своего коллектива в условиях кризиса, но и демонстрировать заботу о сотрудниках,

целенаправленно давать возможность участникам совещаний делиться своими чувствами по поводу происходящего.

В ближайшие месяцы можно с уверенностью прогнозировать рост *межгрупповой напряженности*, связанной с пандемией и с ее социально-экономическими последствиями. Как показывает история человечества, все известные историкам эпидемии сопровождались вспышками ксенофобии, межгрупповой напряженностью и поиском врагов (Snowden, 2019).

Опыт наблюдений, проводившихся во время эпидемий SARS, MERS и Эболы, свидетельствует о том, что стигматизации подвергаются не только заболевшие, как непосредственный источник опасности, но и врачи и члены их семей (Brooks et al., 2020). Уже сейчас мы можем наблюдать проявления стигматизации в отношении людей, которые входят в продуктовый магазин без повязки, пожилых людей, а также жителей крупных городов. В перспективе стигматизированными могут оказаться люди, которые в силу разных причин не имеют права на свободное перемещение в период карантина и оказываются «пораженными в правах». Безусловно, проявления стигматизации должны более широко обсуждаться и учитываться в рамках информационной компании по сдерживанию пандемии (UNICEF..., 2020).

В связи с введением цифровых пропусков переживание социального неравенства будет усиливаться. Эта система, которая в дальнейшем может быть увязана с результатами медицинского тестирования на наличие антител, может привести к росту воспринимаемого неравенства в обществе. Учитывая вероятность ошибок в результатах тестов, нельзя исключать роста агрессии в отношении людей, получивших разрешение на работу (Nelson, Osman, 2020). Уже сегодня использование QR-кодов для контроля перемещений граждан в России приводит к дискриминации тех, кто не обладает нужным уровнем цифровой грамотности или не имеет смартфона. Наиболее уязвимыми в условиях кризиса оказываются категории людей с низким социально-

экономическим статусом, мигранты и этнические меньшинства. Опыт Сингапура и Великобритании указывает на то, что риск заболевания коронавирусом особенно велик среди трудовых мигрантов. Так, например, в Англии, Уэльсе и Северной Ирландии заболеваемость COVID-19 среди этнических меньшинств в два раза превышает средний уровень среди всего населения (Hirsch, 2020).

Под влиянием экономического кризиса социальное неравенство в мире еще больше усилится: с каждым процентом сокращения мирового ВВП, за черту бедности будут переходить около 10 млн человек (Ahmed et al., 2020). Воспринимаемое неравенство будет снижать готовность людей к совместным действиям для сдерживания распространения патогена. Например, в экспериментах с решением дилемм по поводу ресурсов готовность испытуемых к кооперации снижалась, если условия взаимодействия казались им неравными (Aquino et al., 1992). Исследования последствий природных катастроф показывают, что способность локальных сообществ восстанавливаться после ураганов и наводнений зависит от уровня социальной поддержки и воспринимаемого уровня неравенства (Kaniasty, Norris, 2009; Lowe et al., 2018). Репрезентативные опросы в США показывают, что генерализованное социальное доверие снижает воспринимаемый уровень стресса и тревоги в условиях пандемии COVID-19, при этом среди людей, склонных доверять другим, меньше тех, кто убежден в том, что власти избыточно реагируют на эпидемиологическую угрозу (Rainie, Perrin, 2020). Есть основания полагать, что низкий уровень социального доверия будет снижать общественную поддержку мер, принимаемых государством для преодоления последствий пандемии.

Тревога, связанная с новостями о росте числа заболевших и умерших во время пандемии COVID-19, повышает чувствительность личности к негативной информации, заставляя переоценивать другие угрозы, – преступность, рост безработицы (Lieder et al., 2018; Chevallier et al., 2020). В ситуации

неконтролируемой опасности люди склонны искать могущественного врага, которому можно приписать причины происходящего, повышая тем самым свою самооценку и воспринимаемый уровень контроля над ситуацией (Sullivan et al., 2010). Этот защитный механизм не только вносит лепту в распространение конспирологических теорий происхождения пандемии, но и усиливает межгрупповую напряженность в обществе после ее окончания.

Для прогнозирования влияния пандемии на *общество в целом* необходимо принять во внимание тот факт, что подавляющее большинство стран вошли в эпоху COVID-19 с низким уровнем институционального доверия. Международные исследования свидетельствуют о том, что в развитых странах большинство уже не верит в то, что жизнь их детей будет лучше, чем их собственная (The Governance for Happiness..., 2019). Большинство респондентов в экономически развитых странах убеждены в том, что их жизнь не станет лучше в ближайшие пять лет, а 56% всех опрошенных считают, что капитализм в нынешней его форме приносит больше вреда, чем пользы (The Edelman Trust Barometer..., 2020). При этом среди 28 стран, участвовавших в опросе, Россия по уровню доверия занимает последнее место: лишь 30% опрошенных доверяют социальным институтам – государству, СМИ, бизнесу и НКО. Согласно результатам опроса по репрезентативной общероссийской выборке, проведенного нами в сентябре 2019 г. совместно с ИГ «ЦИРКОН» (N=1600), только 26,2% респондентов считают, что в случае массового бедствия федеральные и региональные власти окажут поддержку всем нуждающимся. Наше исследование показало, что глобальные угрозы воспринимаются сквозь призму социальных проблем российского общества, растущей потребности в социальной справедливости. Это создает благодатную почву для использования коллективных страхов в избирательных компаниях и общественно-политических движениях. Поддержка сильных политиков, способных принимать непопулярные решения для предотвращения

катастрофы, тем выше, чем больше их беспокоят глобальные риски, и чем больше они встревожены ростом социального неравенства и несправедливости в обществе.

Массовый характер психологической травматизации в ходе пандемии и связанного с ней экономического кризиса влечет за собой негативные изменения ключевых макропсихологических показателей: снижения психологической устойчивости и социально-психологического благополучия (Лебедев, 2018; Юревич, 2019; Юревич и др., 2007). В этих условиях можно ожидать, с одной стороны, повышения социального цинизма и веры в опасный мир, а с другой – роста популярности лидеров, обращающихся к моральным ценностям. Обнаружена прямая связь тревоги по поводу COVID-19 с ориентацией на заботу о людях и консервативные моральные основания лояльности, уважения к авторитетам и чистоты/святости (Harper et al., 2020). Одним из механизмов, повышающих доверие к представителям власти в условиях пандемии, является прототипическое лидерство и доверие к источникам информации, опирающихся на моральные аргументы. Как показывают исследования, в условиях неопределенности особенно привлекательными являются «прототипические» лидеры, демонстрирующие свое сходство с типичными представителями группы, ссылающиеся на групповые ценности, а также использующие в своей речи инклюзивные местоимения «мы» (Hogg, van Knippenberg, 2003). Кроме того, ряд исследований указывает на то, что доверие выше к тем сообщениям, которые опираются на моральную аргументацию (Everett et al., 2018).

Есть основания ожидать, что под влиянием пандемии произойдут изменения в политических установках россиян: раздражение в отношении опрометчивых авторитарных решений, принимаемых отдельными российскими политиками, подрывает доверие к государству, но при этом поддержка самого авторитарного подхода к управлению и консервативных политических

ценностей будет расти. Серия исследований показывает, что при росте воспринимаемой угрозы общество становится более готовым к отказу от свобод в пользу безопасности, гарантируемой государством (Doty et al., 1991; McCann, 1997; Willer, 2004). Анализ реакции обществ на угрозы, связанные с изменением климата, природными бедствиями и эпидемиями в 1949-2016 гг., показывает, что интенсивность эпидемиологической угрозы снижает уровень прозрачности выборов, гражданских свобод и участия в политической жизни (Kusano, Kemmelmeier, 2020). Как показало экспериментальное исследование, проведенное в США и Польше, тревога по поводу пандемии COVID-19 провоцирует снижение толерантности к неопределенности, сдвиг к консервативным ценностям и поддержку авторитарных кандидатов в президенты (Karwowski et al., 2020).

Рекомендации для повышения жизнеспособности Российского общества в условиях пандемии

Использование одних лишь технических средств выявления и блокирования дезинформации и конспирологических теорий в условиях низкого доверия к государству может приводить к обратным результатам, подстегивая поляризацию, недоверие к власти, СМИ, интернет-компаниям и цифровым технологиям. Сомнительные посты можно не блокировать полностью, а автоматически снабжать тегом «может содержать ложные сведения», что, как показывают исследования, существенно снижает число дальнейших перепостов (Wang et al., 2019).

В одном из исследований было показано, что на соблюдение мер, направленных на борьбу с пандемией, сильнее всего влияют оценка риска, связанного с COVID-19, и доверие к науке, которое опосредует влияние других факторов, таких как консервативные политические взгляды, религиозность, вера в конспирологические теории и интеллектуальное любопытство (Plohl,

Musil, 2020). Учитывая, что в России по разным оценкам от 30 до 38% взрослых не уверены в безопасности вакцинации (ВЦИОМ, 2019; Gallup, 2019), основные усилия необходимо сосредоточить на повышении доверия к ученым, врачам и руководителям системы здравоохранения. Необходимо расширить число волонтерских фактчекинговых сообществ в социальных сетях, сформировать круг экспертов, готовых в течение нескольких часов реагировать на появляющиеся в сети слухи квалифицированным опровержением.

Для противодействия стигматизации необходимо избегать обезличивания заболевших людей в новостных сводках, а также увязывания их с теми или иными социально-демографическими категориями. Вместо обозначения «случаи с COVID» или «шашлычники» необходимо рассказывать о «людях, заболевших коронавирусом». Недопустима публикация в открытом доступе информации о конкретном доме или подъезде, в котором проживают заболевшие люди. Вместо этого необходимо указывать и постоянно обновлять сведения о числе заболевших жителей по каждому микрорайону и округу города. Необходимо освещать личные истории заболевших людей и врачей, давать им возможность публично рассказывать о развитии ситуации, своих переживаниях, страхах и надеждах. От политики замалчивания страхов и предрассудков как можно скорее необходимо переходить к открытому обсуждению проявлений стигматизации и дискурса ненависти, для борьбы с которыми важно привлечь уважаемых людей искусства, религиозных деятелей, журналистов и блогеров.

Исследования показывают, что в том случае, когда нагнетание тревоги в отношении масштабных угроз вызывает ощущение беспомощности, это провоцирует защитные реакции, схожие с когнитивным диссонансом (Нестик, Журавлев, 2018). Противоречие между тревогой и кажущимся отсутствием возможности влиять на ситуацию разрешается за счет занижения вероятности риска и тяжести его последствий, а также использования стратегий

депроблематизации: «пусть этим занимаются специализированные службы»; «это естественный процесс, который сам пройдет»; «есть более серьезные социальные проблемы, которые нужно решать» и т.д. В итоге запугивание приводит к обратным эффектам – вместо мобилизации общества на всеобщую борьбу с пандемией, оно усиливает отрицание ситуации, фатализм и недоверие к официальной информации.

Исследования показывают, что подчеркивание негативных последствий несоблюдения требований врачей и власти в условиях пандемии COVID-19 менее эффективно, чем призывы защитить близких и друзей. Так, в информационной кампании, направленной на повышение готовности граждан соблюдать правила социального дистанцирования, использовались утилитаристская и моральная стратегии. Для первой из них основными аргументами являлись негативные последствия неосторожного поведения. При второй моральной стратегии акцент делался на чувстве ответственности личности перед близкими и знакомыми людьми. Несмотря на то, что большинство участников исследования считали утилитаристские сообщения более эффективными, результаты экспериментов показали, что апелляция к чувству морального долга сильнее влияет на их поведение, чем указания на угрозу личному благополучию (Everett et al., 2020).

Для сокращения числа вторичных жертв в условиях пандемии необходимо использовать не штрафы за нарушение норм карантина, а стимулы к его соблюдению. Прежде всего, необходимо поддерживать сопереживание и разъяснять, как именно соблюдение карантина помогает человеку контролировать ситуацию. Как показало онлайн-исследование, проведенное на американской выборке, наибольший отклик получили сообщения с призывом оставаться дома из сострадания к людям, уязвимым в отношении COVID-19 (Blagov, 2020). В целом, соблюдение мер предосторожности в условиях пандемии оказалось прямо связано с доброжелательностью и

добросовестностью, что может указывать на принципиально важную роль сострадания и самоэффективности, то есть убеждения личности в способности влиять на распространение болезни и вероятность собственного заражения.

Наше исследование, проведенное совместно с ЦСП «Платформа» и компанией OMI (N=1043) по квотной выборке среди жителей российских городов в мае 2020 г., показало, что предикторами соблюдения санитарно-эпидемиологических правил в условиях пандемии являются доверие к социальным институтам, вера личности в свою способность защитить от заражения себя и близких, а также сопереживание другим (Исследование социальных эффектов..., 2020).

Полученные нами данные хорошо согласуются с данными, полученными в других странах. Так, исследование, проведенное в Китае, показывает, что убеждение в контролируемости угрозы COVID-19 позитивно влияет на психологическое благополучие и повышает готовность следовать правилам предосторожности (Li et al., 2020). Как оказалось, отказ от соблюдения правил предосторожности прямо связан с уверенностью в невозможности контролировать заражение. При этом испытуемые с низкой оценкой вероятности заражения COVID-19 склонны объяснять ее собственными характеристиками, такими как возраст и соблюдение гигиены, а респонденты, высоко оценивающие вероятность своего заражения, называют в качестве причин внешние обстоятельства – недостаточные действия властей, несоблюдение другими людьми правил гигиены и т.п. (Dunning, Pownall, 2020). Как показывают исследования, сострадание к заболевшим в сочетании с тревогой по поводу эпидемии повышает готовность к вакцинации и использованию дезинфицирующих средств (King et al., 2016), а также мотивацию к социальному дистанцированию в условиях пандемии COVID-19 (Pfattheicher et al., 2020).

С учетом результатов исследований психологических закономерностей отношения людей к эпидемическим угрозам, можно выделить две основные задачи частных и государственных информационных кампаний, связанных с COVID-19: поддержку веры людей в собственные силы и сопереживание другим. Во-первых, необходимо поддерживать уверенность граждан в том, что они могут повлиять на вероятность собственного заражения, защитить близких, повысить шансы на сохранение работы или новое трудоустройство. Во-вторых, требуются специальные программы, направленные на поддержку сопереживания, – не только заболевшим и врачам, но и другим людям, оказавшимся в трудных условиях – соседям, коллегам по работе или профессии; необходимо стимулирование участия пользователей социальных сетей в коллективных акциях социальной помощи.

Руководителям компаний, чьи сотрудники сейчас работают удаленно, необходимо регулярно проводить видеообсуждения не только рабочих вопросов, но и текущей ситуации, чтобы люди могли высказывать свои тревоги и надежды, убедиться в том, что компания о них заботится. Обмен эмоциями, который сопровождается переосмыслением групповых целей, облегчает конструирование членами группы позитивной идентичности, восстановление позитивного отношения к ней и миру после коллективной травмы (Rime et al., 2010).

При информировании граждан об имеющихся у государства возможностях поддержки нуждающихся не следует подчеркивать необходимость отказа от трат ради улучшения ситуации в будущем. Исследования в области психологии дисконтирования будущего показывают, что при отсутствии альтернативы «здесь и сейчас» люди склонны к более рациональным решениям (Berns et al., 2007). Иными словами, при разъяснении экономической политики государства нужно сравнивать суммы возможных субсидий и выплат через несколько месяцев и через год, а не

противопоставлять выплату 10 тыс. рублей каждому взрослому сейчас и сокращающиеся возможности государственного бюджета в будущем.

Альтернативой алармизму в освещении ситуации СМИ, комментариях руководителей и экспертов должна стать логика позитивных целей: не снижение числа погибших, а число спасенных жизней и рабочих мест, примеры самоотверженности врачей, сопереживания, заботы друг о друге и социальной ответственности граждан, четкие инструкции исполнительной власти в сочетании с демонстрацией доверия к гражданам.

Необходимо публичное обсуждение будущего страны после пандемии в традиционных СМИ и социальных медиа. Уже сегодня необходимо широкое информирование граждан о плане выхода российской экономики из карантина, а также критериях, на основании которых будет приниматься решение о переходе от одной стадии плана к другой. Принципиально важно регулярно предоставлять информацию о меняющихся потребностях рынка труда, планируемых мерах поддержки граждан и предприятий, на основании которой люди, находящиеся в условиях самоизоляции, могли бы планировать различные сценарии своей дальнейшей жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бойко О.М., Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю.

Психологическое состояние людей в период пандемии COVID-19 и мишени психологической работы // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 70. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2020v13n70/1731-boyko70.html> (дата обращения: 14.05.2020).

Исследование социальных эффектов пандемии COVID-19. Сводка#12. 26.05.2020. М.: ЦСП «Платформа», 2020. URL: <https://pltf.ru/2020/05/26/omi-i-platforma-sociologija-krizisa-3/> (дата доступа: 27.05.2020).

- Лебедев А.Н.* Психологическое состояние российского общества в свете макропсихологического подхода // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. 2018. № 2(34). С. 243-251.
- Нестик Т.А.* Метакогнитивные функции персональной социальной сети // Экономические стратегии. 2013. № 5. С. 2-6.
- Нестик Т.А.* Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Нестик Т.А.* Жизнеспособность группы как социально-психологический феномен // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 176-192.
- Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Тарабрина Н.В.* Психология посттравматического стресса. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Шкуренко О.* Вирусные переживания и страхи в 10 графиках. Как СМИ освещают пандемию, что скупают и чего опасаются в России и за рубежом // Коммерсантъ. 21.03.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4298561> (дата обращения 24.04.2020).
- Юревич А.В.* Опыт эмпирической оценки психологического состояния современного российского общества (анализ данных статистики) // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 84-96.
- Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П.* Количественная оценка макропсихологического состояния современного российского общества // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 4. С. 23-34.
- Ahmed F., Ahmed N., Pissarides C., Stiglitz J.* Why inequality could spread COVID-19 // Lancet Public Health. 2020. 2 April. URL: [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(20\)30085-2](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(20)30085-2) (дата обращения 10.04.2020).

Ahorsu D.K., Lin Ch.-Y., Imani V., Saffari M., Griffiths M.D., Pakpour A.H. The Fear of COVID-19 Scale: Development and Initial Validation // International Journal of Mental Health and Addiction 2020. 27 March. URL: <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00270-8> (дата обращения 20.04.2020).

Ammerman B.A., Burke T.A., Jacobucci R., McClure K. Preliminary Investigation of the Association Between COVID-19 and Suicidal Thoughts and Behaviors in the U.S. 2020. 6 April. URL: <https://doi.org/10.31234/osf.io/68djp> (дата обращения 10.04.2020).

Berns G.S., Laibson D., Loewenstein G. Intertemporal choice – toward an integrative framework // Trends in Cognitive Sciences. 2007. № 11(11). P. 482-488.

Blagov P.S. Adaptive and dark personality traits in the COVID-19 pandemic: Predicting health-behavior endorsement and the appeal of public health messages // PsyArXiv Preprints. 2020. doi: 10.31234/osf.io/chgkn (дата доступа 20.04.2020).

Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G.J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence // The Lancet. 2020. № 395. Pp. 912-920. doi: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8.

Chevallier C., Sijilmassi A., Safra L. Impact of COVID-19 exposure on punishment responsiveness // Psyarchiv. 2020. 7 April. <https://doi.org/10.31234/osf.io/jy97m> (дата доступа 10.04.2020).

De Grada E., Kruglanski A.W., Mannetti L., Pierro A. Motivated cognition and group interaction: Need for closure affects the contents and processes of collective negotiations // Journal of Experiential Social Psychology. 1999. V. 35(4). P. 346-365.

Denying death: An interdisciplinary approach to terror management theory / Ed. by Lindsey Harvell, Gwendelyn S. Nisbett. N.Y.: Routledge, 2016.

Doherty K.L., Webler T.N. Social norms and efficacy beliefs drive the Alarmed segment's public-sphere climate actions // *Nature Climate Change*. 2016. № 6. Pp. 879-884. doi: 10.1038/nclimate3025.

Doty R.M., Peterson B.E., Winter D.G. Threat and authoritarianism in the United States, 1978-1987 // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. № 61. Pp. 629.

Dunning A., Pownall M. Dispositional and situational attribution of COVID-19 risk: A content analysis of response typology // *Psyarchiv*. 2020. 7 April. <https://doi.org/10.31234/osf.io/czskd> (дата обращения 11.04.2020).

Garfin D.R., Silver R.C., Holman E.A. The novel coronavirus (COVID-2019) outbreak: Amplification of public health consequences by media exposure // *Health Psychology*. 2020. № 39(5). Pp. 355-357. <http://dx.doi.org/10.1037/hea0000875>.

Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties // *The American Journal of Sociology*. 1973. 78 (6). Pp. 1360-1380. doi:10.1086/225469.

Greenberg J. Understanding the Vital Human Quest for Self-Esteem // *Perspectives on Psychological Science*. 2008. V. 3. № 1. P. 48-55.

Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon Sh. The causes and consequences of the need for self-esteem: A terror management theory // *Public and private self*. Ed. by R.F. Baumeister. N.Y.: Springer-Verlag, 1986. P. 189-212.

Harper C. A., Satchell L., Fido D., Latzman R. Functional fear predicts public health compliance in the COVID-19 pandemic // *Psyarchiv*. 2020. 1 April. <https://doi.org/10.31234/osf.io/jkfu3> (дата доступа 5.04.2020).

Hirsch A. If coronavirus doesn't discriminate, how come black people are bearing the brunt? // *Guardian*. 8 April 2020. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/08/coronavirus-black-people-ethnic-minority-deaths-pandemic-inequality-afua-hirsch> (дата доступа 11.04.2020).

- Hogg M.A., van Knippenberg D. Social identity and leadership processes in groups // Advances in experimental social psychology. V. 35. Pp. 1-52. San Diego, CA: Academic Press, 2003. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(03\)01001-3](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(03)01001-3).
- Hong S., Collins A. Societal responses to familiar versus unfamiliar risk: Comparisons of influenza and SARS in Korea // Risk Analysis. 2006. 26. Pp. 1247-1257. <https://doi.org/10.1111/j.1539-6924.2006.00812.x>.
- Karwowski M., Kowal M., Groyecka A., Bialek M., Lebuda I., Sorokowska A., Sorokowski P. When in Danger, Turn Right: Covid-19 Threat Promotes Social Conservatism and Right-Wing Presidential Candidates // Psyarchiv. 2020. 31 March. <https://doi.org/10.31234/osf.io/pjfh5> (дата доступа 5.04.2020).
- Kerr N.L., Tindale R.S. Group performance and decision making // Annual Review of Psychology. 2004. V. 55. P. 623-655.
- King D., Kamble Sh., DeLongis A. Coping with influenza A/H1N1 in India: empathy is associated with increased vaccination and health precautions // International Journal of Health Promotion and Education. 2016. Pp. 1-12. [10.1080/14635240.2016.1174950](https://doi.org/10.1080/14635240.2016.1174950).
- Kivikangas J.M., Lönnqvist J.-E., Ravaja N. Relationship of moral foundations to political liberalism-conservatism and left-right orientation in a Finnish representative sample // Social Psychology. 2017. V. 48 (4). P. 246-251.
- Kusano K., Kemmelmeier M. Multi-level modelling of time-series cross-sectional data reveals the dynamic interaction between ecological threats and democratic development // Royal Society Open Science. 2020. V. 7. № 3: 7191804. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rsos.191804> (дата доступа 20.04.2020).
- Li J., Yang A., Dou K., Wang L., Zhang M., Lin X. Chinese public's knowledge, perceived severity, and perceived controllability of the COVID-19 and their associations with emotional and behavioural reactions, social participation, and

precautionary behaviour: A national survey // Psyarchiv. 2020. 28 February. <https://doi.org/10.31234/osf.io/5tmsh> (дата доступа 5.04.2020).

Lieder F., Griffiths T.L., Hsu M. Overrepresentation of extreme events in decision making reflects rational use of cognitive resources // Psychological review. 2018. 125(1):1-32. doi: 10.1037/rev0000074. Epub 2017 Oct 16 (дата доступа 5.04.2020).

McCann S.J.H. Threatening times, «strong» presidential popular vote winners, and the victory margin, 1824-1964 // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. 73(1). Pp. 160–170.

McDonnell, W.M., Nelson, D.S., Schunk, J.E. Should we fear “flu fear” itself? Effects of H1N1 influenza fear on ED use // The American Journal of Emergency Medicine, 2012. 30. Pp. 275-282. <https://doi.org/10.1016/j.ajem.2010.11.027>.

Moser D.A., Glaus J., Frangou S., Schechter D.S. Years of life lost due to the psychosocial consequences of COVID19 mitigation strategies based on Swiss data // medRxiv 2020.04.17.20069716; doi: <https://doi.org/10.1101/2020.04.17.20069716> (дата доступа 20.04.2020).

Nelson W., Osman M. Sociological and psychological insights behind predicted changes as a result of COVID-19 // Psyarchiv. 2020. 5 April. <https://doi.org/10.31234/osf.io/s5jkh> (дата обращения 10.04.2020).

Ng Y.J., Yang Z.J., Vishwanath A. To fear or not to fear? Applying the social amplification of risk framework on two environmental health risks in Singapore // Journal of Risk Research. 2018. 21. Pp. 1487-1501. <https://doi.org/10.1080/13669877.2017.1313762>.

Okruszek Ł., Aniszewska-Stańczuk A., Piejka A., Wiśniewska M., Żurek K. Safe but lonely? Loneliness, mental health symptoms and COVID-19 // Psyarchiv. 2020. 10 April. <https://doi.org/10.31234/osf.io/9njps> (retrieved: 11.04.2020).

Pfattheicher S., Nockur L., Böhm R., Sassenrath C., Petersen M. The emotional path to action: Empathy promotes physical distancing during the COVID-19

pandemic // Psyarchiv. 2020. 23 March. <https://doi.org/10.31234/osf.io/y2cg5> (дата доступа 6.04.2020).

Plohl N., Musil B. Modeling compliance with COVID-19 prevention guidelines: The critical role of trust in science // Psyarchiv. 2020. 6 April. <https://doi.org/10.31234/osf.io/6a2cx> (дата доступа 10.04.2020).

Rainie L., Perrin A. The state of Americans' trust in each other amid the COVID-19 pandemic // Pew Research Center. 2020. APRIL 6. URL: <https://pewrsr.ch/34ly9B9> (дата доступа 10.04.2020).

Rhee S.-E. Group emotions and group outcomes: the role of group-member interactions // *Affect and Groups. Research on Managing Groups and Teams.* Ed. by E.A. Mannix, M.A. Neale, C.P. Anderson. V. 10. Oxford, UK: Elsevier Ltd., 2007. P. 65-95.

Rime B., Paez D., Basabe N., Martínez F. Social sharing of emotion, post-traumatic growth, and emotional climate: Follow-up of Spanish citizen's response to the collective trauma of March 11th terrorist attacks in Madrid // *European Journal of Social Psychology.* 2010. V. 40. P. 1029-1045.

Russo S., Mirisola A., Roccato M. Facing natural disasters through the endorsement of authoritarian attitudes // *Journal of Environmental Psychology.* 2020. Vol. 68: 101412 <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2020.101412> (дата доступа 10.04.2020).

Schultz P.W., Nolan J.M., Cialdini R.B., Goldstein N.J., Griskevicius V. The constructive, destructive, and reconstructive power of social norms // *Psychological Science.* 2007. 18(5). Pp. 429-434. doi: 10.1111/j.1467-9280.2007.01917.x

Schumacher J.A., Coffey S.F., Norris F.H., Tracy M., Clements K., Galea S. Intimate partner violence and Hurricane Katrina: predictors and associated mental health outcomes // *Violence Vict.* 2010. 25(5). Pp. 588-603.

Snowden F.M. Epidemics and Society: From the Black Death to the Present. New Haven & London: Yale University Press, 2019.

Solomon S., Greenberg J., Pyszczynski T. A terror management theory of social behavior: The psychological functions of self-esteem and cultural worldviews // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1991. V. 24 (C). P. 93-159. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60328-7.

Stark L., Ager A. A systematic review of prevalence studies of gender-based violence in complex emergencies // *Trauma Violence Abuse*. 2011.12(3). Pp. 127-134.

Sullivan D., Landau M.J., Rothschild Z.K. An existential function of enemyship: evidence that people attribute influence to personal and political enemies to compensate for threats to control // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. V. 98(3). P. 434-449. doi: 10.1037/a0017457.

The Governance for Happiness. Global Survey results. Conducted by George Ward & Schoen Consulting, October 2019. URL: https://yes-ukraine.org/files/pdf/Happiness_report_2019.pdf (дата доступа 10.04.2020).

Thomson R., Yuki M., Talhelm T., Schug J., Kito M., Ayanian A.H., Becker J.C., et al. Relational mobility predicts social behaviors in 39 countries and is tied to historical farming and threat // *Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)*. 2018. 115 (29). Pp. 7521-7526. DOI: 10.1073/pnas.1713191115.

UNICEF. Social isolation and COVID-19. UNICEF, 2020. URL: https://www.unicef.by/uploads/models/2020/03/covid19_stigma_guide_rus.pdf (дата доступа 10.04.2020).

Van Zomeren M., Spears R., Leach C.W. Exploring psychological mechanisms of collective action: Does relevance of group identity influence how people cope with collective disadvantage? // *British Journal of Social Psychology*. 2008. V. 47. P. 353-372.

Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online // *Science*. 2018. V. 359. № 6380. Pp. 1146-1151.

Wang Y., McKee M., Torbica A., Stuckler D. Systematic Literature Review on the Spread of Health-related Misinformation on Social Media // *Social Science & Medicine*. 2019. V. 240: 112552. DOI: 10.1016/j.socscimed.2019.112552. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31561111/> (дата доступа 5.04.2020).

WHO. Building back better: sustainable mental health care after emergencies. WHO: Geneva, 2013.

Willer R. The effects of government-issued terror warnings on presidential approval ratings // *Current Research in Social Psychology*. 2004. 10. Pp. 1-12.

Yu S., Liu X. Strain of life under lockdown sparks divorce surge in China // *Financial Times*. 2020. APRIL 4. URL: <https://www.ft.com/content/11990ff0-c8f5-4f60-9b0a-be06324a4ddb> (дата доступа 5.04.2020).

BIBLIOGRAFICHESKIY SPISOK

Bojko O.M., Medvedeva T.I., Enikolopov S.N., Voroncova O.YU., Kaz'mina O.Yu. Psihologicheskoe sostoyanie lyudej v period pandemii COVID-19 i misheni psihologicheskoy raboty // *Psihologicheskie issledovaniya*. 2020. T. 13. № 70. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2020v13n70/1731-boyko70.html> (дата obrashcheniya: 14.05.2020).

Issledovanie social'nyh effektov pandemii COVID-19. Svodka#12. 26.05.2020. М.: CSP «Platforma», 2020. URL: <https://pltf.ru/2020/05/26/omi-i-platforma-sociologija-krizisa-3/> (дата dostupa: 27.05.2020).

Lebedev A.N. Psihologicheskoe sostoyanie rossijskogo obshchestva v svete makropsihologicheskogo podhoda // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya*. 2018. № 2(34). S. 243-251.

Nestik T.A. Metakognitivnye funkicii personal'noj social'noj seti // *Ekonomicheskie strategii*. 2013. № 5. S. 2-6.

Nestik T.A. Social'naya psihologiya vremeni. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2014.

Nestik T.A. ZHiznesposobnost' gruppy kak social'no-psihologicheskij fenomen // ZHiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i social'nye aspekty. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2016. S. 176-192.

Nestik T.A., Zhuravlev A.L. Psihologiya global'nyh riskov. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2018.

Tarabrina N.V. Psihologiya posttravmaticheskogo stressa. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2009.

Shkurenko O. Virusnye perezhivaniya i strahi v 10 grafikah. Kak SMI osveshchayut pandemiyu, chto skupayut i chego opasayutsya v Rossii i za rubezhom // Kommersant". 21.03.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4298561> (data obrashcheniya 24.04.2020).

Yurevich A.V. Opyt empiricheskoy ocenki psihologicheskogo sostoyaniya sovremennogo rossijskogo obshchestva (analiz dannyh statistiki) // Psihologicheskij zhurnal. 2019. T. 40. № 5. S. 84-96.

Yurevich A.V., Ushakov D.V., Capenko I.P. Kolichestvennaya ocenka makropsihologicheskogo sostoyaniya sovremennogo rossijskogo obshchestva // Psihologicheskij zhurnal. 2007. T. 28. № 4. S. 23-34.

Ahmed F., Ahmed N., Pissarides C., Stiglitz J. Why inequality could spread COVID-19 // Lancet Public Health. 2020. 2 April. URL: [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(20\)30085-2](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(20)30085-2) (data obrashcheniya 10.04.2020).

Ahorsu D.K., Lin Ch.-Y., Imani V., Saffari M., Griffiths M.D., Pakpour A.H. The Fear of COVID-19 Scale: Development and Initial Validation // International Journal of Mental Health and Addiction 2020. 27 March. URL: <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00270-8> (data obrashcheniya 20.04.2020).

Ammerman B.A., Burke T.A., Jacobucci R., McClure K. Preliminary Investigation of the Association Between COVID-19 and Suicidal Thoughts and Behaviors in

the U.S. 2020. 6 April. URL: <https://doi.org/10.31234/osf.io/68djp> (data obrashcheniya 10.04.2020).

Berns G.S., Laibson D., Loewenstein G. Intertemporal choice – toward an integrative framework // *Trends in Cognitive Sciences*. 2007. № 11(11). P. 482-488.

Blagov P.S. Adaptive and dark personality traits in the COVID-19 pandemic: Predicting health-behavior endorsement and the appeal of public health messages // *PsyArXiv Preprints*. 2020. doi: 10.31234/osf.io/chgkn (data dostupa 20.04.2020).

Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G.J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence // *The Lancet*. 2020. № 395. Pp. 912-920. doi: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8.

Chevallier C., Sijilmassi A., Safra L. Impact of COVID-19 exposure on punishment responsiveness // *Psyarchiv*. 2020. 7 April. <https://doi.org/10.31234/osf.io/jy97m> (data dostupa 10.04.2020).

De Grada E., Kruglanski A.W., Mannetti L., Pierro A. Motivated cognition and group interaction: Need for closure affects the contents and processes of collective negotiations // *Journal of Experiential Social Psychology*. 1999. V. 35(4). P. 346-365.

Denying death: An interdisciplinary approach to terror management theory / Ed. by Lindsey Harvell, Gwendelyn S. Nisbett. N.Y.: Routledge, 2016.

Doherty K.L., Webler T.N. Social norms and efficacy beliefs drive the Alarmed segment's public-sphere climate actions // *Nature Climate Change*. 2016. № 6. Pp. 879-884. doi: 10.1038/nclimate3025.

Doty R.M., Peterson B.E., Winter D.G. Threat and authoritarianism in the United States, 1978-1987 // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. № 61. Pp. 629.

- Dunning A., Pownall M.* Dispositional and situational attribution of COVID-19 risk: A content analysis of response typology // *Psyarchiv*. 2020. 7 April. <https://doi.org/10.31234/osf.io/czskd> (data obrashcheniya 11.04.2020).
- Garfin D.R., Silver R.C., Holman E.A.* The novel coronavirus (COVID-2019) outbreak: Amplification of public health consequences by media exposure // *Health Psychology*. 2020. № 39(5). Pp. 355-357. <http://dx.doi.org/10.1037/hea0000875>.
- Granovetter M.S.* The Strength of Weak Ties // *The American Journal of Sociology*. 1973. 78 (6). Pp. 1360-1380. doi:10.1086/225469.
- Greenberg J.* Understanding the Vital Human Quest for Self-Esteem // *Perspectives on Psychological Science*. 2008. V. 3. № 1. P. 48-55.
- Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon Sh.* The causes and consequences of the need for self-esteem: A terror management theory // *Public and private self*. Ed. by R.F. Baumeister. N.Y.: Springer-Verlag, 1986. P. 189-212.
- Harper C.A., Satchell L., Fido D., Latzman R.* Functional fear predicts public health compliance in the COVID-19 pandemic // *Psyarchiv*. 2020. 1 April. <https://doi.org/10.31234/osf.io/jkfu3> (data dostupa 5.04.2020).
- Hirsch A.* If coronavirus doesn't discriminate, how come black people are bearing the brunt? // *Guardian*. 8 April 2020. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/08/coronavirus-black-people-ethnic-minority-deaths-pandemic-inequality-afua-hirsch> (data dostupa 11.04.2020).
- Hogg M.A., van Knippenberg D.* Social identity and leadership processes in groups // *Advances in experimental social psychology*. V. 35. Pp. 1-52. San Diego, CA: Academic Press, 2003. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(03\)01001-3](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(03)01001-3).
- Hong S., Collins A.* Societal responses to familiar versus unfamiliar risk: Comparisons of influenza and SARS in Korea // *Risk Analysis*. 2006. 26. Pp. 1247-1257. <https://doi.org/10.1111/j.1539-6924.2006.00812.x>.

Karwowski M., Kowal M., Groyecka A., Bialek M., Lebuda I., Sorokowska A., Sorokowski P. When in Danger, Turn Right: Covid-19 Threat Promotes Social Conservatism and Right-Wing Presidential Candidates // *Psyarchiv*. 2020. 31 March. <https://doi.org/10.31234/osf.io/pjfhs> (data dostupa 5.04.2020).

Kerr N.L., Tindale R.S. Group performance and decision making // *Annual Review of Psychology*. 2004. V. 55. P. 623-655.

King D., Kamble Sh., DeLongis A. Coping with influenza A/H1N1 in India: empathy is associated with increased vaccination and health precautions // *International Journal of Health Promotion and Education*. 2016. Pp. 1-12. 10.1080/14635240.2016.1174950.

Kivikangas J.M., Lönnqvist J.-E., Ravaja N. Relationship of moral foundations to political liberalism-conservatism and left-right orientation in a Finnish representative sample // *Social Psychology*. 2017. V. 48 (4). P. 246-251.

Kusano K., Kemmelmeier M. Multi-level modelling of time-series cross-sectional data reveals the dynamic interaction between ecological threats and democratic development // *Royal Society Open Science*. 2020. V. 7. № 3: 7191804. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rsos.191804> (data dostupa 20.04.2020).

Li J., Yang A., Dou K., Wang L., Zhang M., Lin X. Chinese public's knowledge, perceived severity, and perceived controllability of the COVID-19 and their associations with emotional and behavioural reactions, social participation, and precautionary behaviour: A national survey // *Psyarchiv*. 2020. 28 February. <https://doi.org/10.31234/osf.io/5tmsh> (data dostupa 5.04.2020).

Lieder F., Griffiths T.L., Hsu M. Overrepresentation of extreme events in decision making reflects rational use of cognitive resources // *Psychological review*. 2018. 125(1):1-32. doi: 10.1037/rev0000074. Epub 2017 Oct 16 (data dostupa 5.04.2020).

McCann S.J.H. Threatening times, «strong» presidential popular vote winners, and the victory margin, 1824-1964 // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. 73(1). Pp. 160–170.

McDonnell, W.M., Nelson, D.S., Schunk, J.E. Should we fear “flu fear” itself? Effects of H1N1 influenza fear on ED use // *The American Journal of Emergency Medicine*, 2012. 30. Pp. 275-282. <https://doi.org/10.1016/j.ajem.2010.11.027>.

Moser D.A., Glaus J., Frangou S., Schechter D.S. Years of life lost due to the psychosocial consequences of COVID19 mitigation strategies based on Swiss data // *medRxiv* 2020.04.17.20069716; doi: <https://doi.org/10.1101/2020.04.17.20069716> (data dostupa 20.04.2020).

Nelson W., Osman M. Sociological and psychological insights behind predicted changes as a result of COVID-19 // *Psyarchiv*. 2020. 5 April. <https://doi.org/10.31234/osf.io/s5jkh> (data obrashcheniya 10.04.2020).

Ng Y.J., Yang Z.J., Vishwanath A. To fear or not to fear? Applying the social amplification of risk framework on two environmental health risks in Singapore // *Journal of Risk Research*. 2018. 21. Pp. 1487-1501. <https://doi.org/10.1080/13669877.2017.1313762>.

Okruszek Ł., Aniszewska-Stańczuk A., Piejka A., Wiśniewska M., Żurek K. Safe but lonely? Loneliness, mental health symptoms and COVID-19 // *Psyarchiv*. 2020. 10 April. <https://doi.org/10.31234/osf.io/9njps> (retrieved: 11.04.2020).

Pfattheicher S., Nockur L., Böhm R., Sassenrath C., Petersen M. The emotional path to action: Empathy promotes physical distancing during the COVID-19 pandemic // *Psyarchiv*. 2020. 23 March. <https://doi.org/10.31234/osf.io/y2cg5> (data dostupa 6.04.2020).

Plohl N., Musil B. Modeling compliance with COVID-19 prevention guidelines: The critical role of trust in science // *Psyarchiv*. 2020. 6 April. <https://doi.org/10.31234/osf.io/6a2cx> (data dostupa 10.04.2020).

Rainie L., Perrin A. The state of Americans' trust in each other amid the COVID-19 pandemic // Pew Research Center. 2020. APRIL 6. URL: <https://pewrsr.ch/34ly9B9> (data dostupa 10.04.2020).

Rhee S.-E. Group emotions and group outcomes: the role of group-member interactions // *Affect and Groups. Research on Managing Groups and Teams.* Ed. by E.A. Mannix, M.A. Neale, C.P. Anderson. V. 10. Oxford, UK: Elsevier Ltd., 2007. P. 65-95.

Rime B., Paez D., Basabe N., Martínez F. Social sharing of emotion, post-traumatic growth, and emotional climate: Follow-up of Spanish citizen's response to the collective trauma of March 11th terrorist attacks in Madrid // *European Journal of Social Psychology.* 2010. V. 40. P. 1029-1045.

Russo S., Mirisola A., Roccato M. Facing natural disasters through the endorsement of authoritarian attitudes // *Journal of Environmental Psychology.* 2020. Vol. 68: 101412 <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2020.101412> (data dostupa 10.04.2020).

Schultz P.W., Nolan J.M., Cialdini R.B., Goldstein N.J., Griskevicius V. The constructive, destructive, and reconstructive power of social norms // *Psychological Science.* 2007. 18(5). Pp. 429-434. doi: 10.1111/j.1467-9280.2007.01917.x

Schumacher J.A., Coffey S.F., Norris F.H., Tracy M., Clements K., Galea S. Intimate partner violence and Hurricane Katrina: predictors and associated mental health outcomes // *Violence Vict.* 2010. 25(5). Pp. 588-603.

Snowden F.M. *Epidemics and Society: From the Black Death to the Present.* New Haven & London: Yale University Press, 2019.

Solomon S., Greenberg J., Pyszczynski T. A terror management theory of social behavior: The psychological functions of self-esteem and cultural worldviews // *Advances in Experimental Social psychology.* 1991. V. 24 (C). P. 93-159. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60328-7.

Stark L., Ager A. A systematic review of prevalence studies of gender-based violence in complex emergencies // *Trauma Violence Abuse*. 2011.12(3). Pp. 127-134.

Sullivan D., Landau M.J., Rothschild Z.K. An existential function of enemyship: evidence that people attribute influence to personal and political enemies to compensate for threats to control // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. V. 98(3). P. 434-449. doi: 10.1037/a0017457.

The Governance for Happiness. Global Survey results. Conducted by George Ward & Schoen Consulting, October 2019. URL: https://yes-ukraine.org/files/pdf/Happiness_report_2019.pdf (data dostupa 10.04.2020).

Thomson R., Yuki M., Talhelm T., Schug J., Kito M., Ayanian A.H., Becker J.C., et al. Relational mobility predicts social behaviors in 39 countries and is tied to historical farming and threat // *Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)*. 2018. 115 (29). Pp. 7521-7526. DOI: 10.1073/pnas.1713191115.

UNICEF. Social isolation and COVID-19. UNICEF, 2020. URL: https://www.unicef.by/uploads/models/2020/03/covid19_stigma_guide_rus.pdf (data dostupa 10.04.2020).

Van Zomeren M., Spears R., Leach C.W. Exploring psychological mechanisms of collective action: Does relevance of group identity influence how people cope with collective disadvantage? // *British Journal of Social Psychology*. 2008. V. 47. P. 353-372.

Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online // *Science*. 2018. V. 359. № 6380. Pp. 1146-1151.

Wang Y., McKee M., Torbica A., Stuckler D. Systematic Literature Review on the Spread of Health-related Misinformation on Social Media // *Social Science & Medicine*. 2019. V. 240: 112552. DOI: 10.1016/j.socscimed.2019.112552. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31561111/> (data dostupa 5.04.2020).

WHO. Building back better: sustainable mental health care after emergencies. WHO: Geneva, 2013.

Willer R. The effects of government-issued terror warnings on presidential approval ratings // Current Research in Social Psychology. 2004. 10. Pp. 1-12.

Yu S., Liu X. Strain of life under lockdown sparks divorce surge in China // Financial Times. 2020. APRIL 4. URL: <https://www.ft.com/content/11990ff0-c8f5-4f60-9b0a-be06324a4ddb> (data dostupa 5.04.2020).

THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON SOCIETY: SOCIO-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS**

T.A. Nestik*

* Sc.D. (psychology), professor, head of the laboratory of social and economic psychology, Federal state-financed establishment of science Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; 13-1 Yaroslavskaya str., Moscow, 129366; e-mail: nestik@gmail.com

Summary. The article presents an analysis of the possible socio-psychological consequences of the COVID-19 pandemic. Based on our own empirical studies, as well as a review of the scientific literature related to the psychological consequences of pandemics and other natural risks, the psychological effects of the COVID-19 pandemic are considered at several levels of socio-psychological analysis: intrapersonal, interpersonal, group, intergroup and macro-psychological. The influence of anxiety, fear of death, as well as the perceived uncontrollability of the threat on value orientations and the compliance with group norms, exposure to the influence of conspiracy theories is analyzed. The effects of curfew, as well as the fear of infection and physical distance on close relationships, trust in people and interpersonal mobility, group decision-making in small groups and polarization in network communities are examined. The causes of stigmatization and the growth of intergroup tension in a pandemic are analyzed. Among the possible long-term effects of the pandemic, a decline in institutional trust, an increase in social pessimism, and the likelihood of a shift in society to conservative values and the support of authoritarian politicians are discussed. Based on the research results, several recommendations are proposed to increase the resilience of society under conditions of a pandemic, including reducing the susceptibility of misinformation and belief in conspiracy theories, preventing stigmatization and supporting compliance with sanitary and epidemiological requirements. It is emphasized that in conditions of restarting the economy, reinforcing people's faith in their own strengths and supporting empathy with others can be more

**The research is supported by a grant of the Russian Science Foundation (project № 18-18-00439 “Psychology of human beings in conditions of global risks”).

effective means of inducing compliance with precautionary rules than escalating fear. The conclusion is drawn about the need for a transition in communications about the pandemic from alarmism to positive goals and the provision of information that allows citizens to make plans.

Keywords: COVID-19, socio-psychological consequences, personality, interpersonal relationships, intragroup processes, intergroup relationships, macropsychology, political attitudes, trust, attitudes to global risks.